

minibo**OK**

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

ВОРОТА СТА ПЕЧАЛЕЙ

Москва
2016

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
К42

Перевод с английского
Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использованы репродукции картин
художника Эдвина Лорда Уикса (1849–1903).
и иллюстрации
Anastasiya_Nekrasova / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru;
Yayayoyo / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Киплинг, Редьярд.

К42 Ворота ста печалей [рассказы : перевод с английского] / Редьярд Киплинг. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-91851-5

Сочетая точность репортера, фантазию романтика и мудрость философа, Киплинг пишет о вечных проблемах — любви и свободе, войне и мире, противостоянии Востока и Запада.

Рассказ «Ворота ста печалей» возник из самого обычного репортажа о курильщиках опиума, помещенного на страницах газеты за семь месяцев до опубликования рассказа. В собранных в этой книге рассказах Киплинга нет сюжета, но есть невероятная событийность и колоритность.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91851-5

© Линецкая Э., перевод. Наследники, 2016
© Рахманова Н., перевод, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЗА ЧЕРТОЙ

Ни каста, ни сон на сломанной кровати
для любви не препона. Я отправился искать
любовь и потерял себя.

Индийская пословица

При всех обстоятельствах человек должен держаться своей касты, своей расы и своего племени. Пусть белый прилепится к белому, а черный к черному. И тогда никакие превратности не нарушат привычного распорядка вещей, не будут внезапны, непостижимы или неожиданны.

Вот история человека, который ступил за надежные пределы добропорядочного и привычного ему общества и тяжело за это поплатился.

Сперва он слишком много узнал, потом слишком много увидел. Он слишком глубоко проник в чужеземную жизнь — больше он этого не повторяет.

Амир-Натхов овраг расположен в самой сердцевине города, сразу за *бастии* Джита-Мегджи, и упирается он в стену с одним-единственным окном, забранным решеткой. В устье оврага стоит огромный хлев, а по обе его стороны высятся глухие стены. Ни Сучет Сингх, ни Гаур Чанд не склонны позволять своим женщинам глядеть на мир. Держись Дурга Чаран их взглядов, он был бы сейчас куда счастливее, а маленькая Бизеза могла бы по-прежнему замешивать хлеб собственными руками. Ее решетчатое окно выходило в узкий и темный овраг, где не бывает солнца и буйволы барахтаются в липком синем иле. Бизезе было лет пятнадцать, она уже овдовела и денно и ночью

молила богов послать ей возлюбленного, потому что не была склонна к одинокой жизни.

Однажды англичанин по имени Триджего, бесцельно блуждая по городу, забрел в Амир-Натхов овраг и, пройдя мимо буйволов, споткнулся о кучу соломенной трухи.

Тут он обнаружил, что овраг кончается тупиком, и услышал за оконной решеткой тихий смешок. Смешок этот был мелодичен, и Триджего, знавший, что для разных житейских надобностей добрые старые «Арабские ночи» — отличное руководство, подошел поближе к окну и прошептал тот стих из «Любовной песни Хар Диала», который начинается так:

Как человеку не пасть ниц перед лицом нагого солнца?
Или влюбленному при виде возлюбленной?
Если колени мои подогнутся, о сердце моего сердца,
виновен ли я в том, что краса твоя меня ослепила?

За окном тихо звякнули женские браслеты, и тоненький голос пропел пятый стих «Песни»:

Увы, увы! Как Луне поведать Лотосу о своей любви
к нему,
если врата небесные на запоре и собираются тучи,
чреватые дождем?
Они похитили у меня возлюбленную и теперь
на вьючных лошадях влекут ее в сторону севера.
На ногах железные цепи, что прежде сковали
мое сердце.
Призовите лучников, пусть готовят...

Песня внезапно смолкла, и Триджего ушел из Амир-Натхова оврага, недоумевая, кто же эта женщина, которая без запинки подхватила цитату из «Любовной песни Хар Диала».

На следующее утро, когда он ехал в контору, какая-то старуха бросила ему в коляску пакет. В пакете Триджего обнаружил половинку сломанного стеклянного браслета, кроваво-красный цветок *дхака*, щепотку *бхусы*, то есть соломенной трухи, и одиннадцать орешков кардамона. Пакет был своего рода

письмом, но не бестактным и компрометирующим, а тонким и зашифрованным любовным посланием.

Я уже говорил, что Триджего слишком много знал о таких вещах. Англичанину не следует понимать язык предметных писем. Но Триджего разложил эти пустячки у себя на служебном столе и стал вникать в их смысл. Во всей Индии сломанный браслет означает вдову индуса, потому что после смерти мужа браслеты на ее запястьях положено разбивать. Триджего сразу сообразил, о чем говорит осколок браслета. Цветок *дхака* значит и «хочу», и «приди», и «напиши», и «опасность» — смотря по тому, что еще вложено в пакет. Один орешек кардамона означает «ревность», но если в послании однородных предметов несколько, они теряют свой первоначальный символический смысл и просто указывают на время или, в сочетании с благоуханными травами, творогом, шафраном, на место встречи. Таким образом, послание гласило: «Вдова... цветок *дхака* и *бхуса*... одиннадцать часов». Ключом к разгадке была *бхуса*. Триджего догадался — предметные письма невозможно понять, не обладая интуицией, — что *бхуса* должна привести ему на память кучу соломенной трухи, о которую он споткнулся в Амир-Натховом овраге, что пакет послала ему женщина за решетчатым окном и что она — вдова. Значит, послание гласило: «Вдова хочет, чтобы ты к одиннадцати часам пришел в овраг, где *бхуса*».

Триджего бросил весь этот хлам в камин и рассмеялся. Он знал, что на Востоке мужчины не приходят на любовные свидания под окна в одиннадцать часов утра и что женщины там не улавливаются о встрече за неделю до срока. И когда наступила ночь и время стало близиться к одиннадцати, он пошел в Амир-Натхов овраг, укрывшись накидкой, под которой мужчину не отличишь от женщины. Едва только гонги в городе возвестили одиннадцать, голосок за решеткой запел тот стих из «Любовной песни Хар Диала», в котором патанская девушка молит Хар Диала вернуться. На местном языке песня эта действительно очень красива, но по-английски она недостаточно жалобна. Вот приблизительно как она звучит:

Одна на крыше, я гляжу на север,
Слежу зарниц вечернюю игру:
То отблески твоих шагов на север.
Вернись, любимый, или я умру.

Базар внизу безлюден и спокоен,
Устало спят верблюды на ветру,
И спят рабы — твоя добыча, воин.
Вернись, любимый, или я умру.

Жена отца сварливей год от году,
Гну спину днем, в ночи и поутру...
Слезами запиваю хлеб невзгоды.
Вернись, любимый, или я умру.

Голос умолк, и Триджего, вплотную подойдя к решетке, шепнул: «Я здесь».

Бизеза была очень хороша собой.

Эта ночь положила начало таким удивительным событиям, такой безумной двойной жизни, что сейчас Триджего иногда одолевают сомнения — а не приснилось ли ему все это. Не то Бизеза, не то ее старая служанка вынули решетку из проема в кирпичной кладке, оконная рама отворилась внутрь, и хорошо тренированному человеку легко было влезть в квадратную дыру, пробитую в нештукатуренной стене дома.

Днем Триджего привычно исполнял свои обязанности в конторе или переодевался и наносил визиты женам служащих поста, размышляя при этом, долго ли поддерживали бы они с ним знакомство, если бы знали о бедной маленькой Бизезе. Ночью, когда весь город утихал, приходил черед путешествию под прикрытием дурно пахнущей накидки; осторожный переход по *бастии* Джита-Мегджи, молниеносный поворот в Амир-Нагхов овраг, перебежка вдоль глухих стен между спящими буйволами, потом наконец Бизеза и глубокое, ровное дыхание старух, спавших по ту сторону двери пустой комнатки, которую Дурга Чаран отвел дочери своей сестры. Триджего никогда не пытался узнать, кем и чем был Дурга Чаран, ему и в голову не приходило задуматься, почему это его еще никто не обна-

ружил и не прирезал, пока безумию его не пришел конец, а маленькая Бизеза... Но об этом после.

Он был в полном восхищении от Бизезы. Она была первозданна, как птица, а ее фантастическое изложение слухов, добравшихся из внешнего мира до комнатухи в овраге, забавляло Триджего не меньше, чем младенчески-неуверенные попытки произнести его имя Кристофер. Первый слог так и остался для нее неодолимым препятствием, и она, потешно взмахивая руками, похожими на лепестки розы, словно отталкивала это имя, а потом, став на колени, спрашивала, как и любая англичанка, вправду ли он ее любит. Триджего клялся, что она ему дороже всех на свете. И не лгал при этом.

В таком безумии прошел месяц, и тут обстоятельства другой жизни вынудили Триджего оказать особое внимание одной знакомой даме. Можете мне поверить, что подобного рода вещи замечают и комментируют не только англичане, но и полторы-две сотни местных жителей. Триджего пришлось прогуливаться с этой дамой, и разговаривать с ней у оркестровой раковины, и несколько раз кататься с ней в коляске. Однако у него и в мыслях не было, что это может отразиться на его тайной и куда более милой ему жизни. Но, как это всегда бывает, слух таинственными путями полз все дальше и дальше и, передаваясь из уст в уста, дошел до служанки Бизезы, которая и пересказала его своей госпоже. Бедняжка пришла в такое волнение, что домашняя работа стала валиться у нее из рук, в результате чего жена Дурга Чарана задала ей трепку.

Через неделю Бизеза обвинила Триджего в неверности. Никаких полутонов для нее не существовало, и говорила она напрямик. Триджего смеялся, а Бизеза топала ножкой, нежной, как цветок бархатца, и такой маленькой, что она умещалась в мужской ладони.

Много из написанного о «восточной страстности и порывистости» преувеличено и почерпнуто из вторых рук, но кое-что справедливо; и когда англичанин обнаруживает это кое-что, он бывает поражен не меньше, чем когда страсть входит в его собственную жизнь. Бизеза метала громы и молнии и под

конец пригрозила покончить с собой, если Триджего немедленно не порвет с чужой *мем-сахиб*, вставшей между ними. Он пытался объяснить ей, что она не понимает точки зрения людей с Запада на такие вещи. Бизеза выпрямилась и тихо сказала:

— Не понимаю. И знаю только одно — для меня худо, что ты, *сахиб*, стал мне дороже моего собственного сердца. Ты ведь англичанин, а я просто чернокожая девушка. — Кожа ее была светлее золотого слитка на монетном дворе. — И вдова чернокожего мужчины. — Потом, зарыдав, добавила: — Но клянусь своей душой и душой моей матери, я тебя люблю. И что бы ни случилось со мной, тебя зло не коснется.

Напрасно Триджего урезонивал ее, старался утешить — она по-прежнему была в непонятном смятении. Никакие доводы на нее не действовали — отныне между ними все должно быть кончено. Пусть он сейчас же уходит. И он ушел. Когда он вылезал из окна, Бизеза дважды поцеловала его в лоб. Домой Триджего возвращался в полном недоумении.

Неделю, три недели от Бизезы не было ни слуху ни духу. Считая, что их разлука достаточно затянулась, Триджего в пятый раз за эти три недели отправился в Амир-Натхов овраг: он надеялся, что Бизеза откликнется на его тихое постукивание по решетке окна. И не ошибся.

Взошел нарождающийся месяц, его лучи проникли в овраг и упали на решетку, которую кто-то сразу снял в ответ на стук Триджего. Из непроглядной темноты Бизеза протянула к лунному свету руки. Обе они были обрублены по запястье, и раны уже почти зажили.

Потом она опустила голову на эти обрубки и зарыдала, а в комнате кто-то заворчал, как дикий зверь, и острое оружие — нож, сабля или кинжал — вонзилось в накидку Триджего. Лезвие лишь скользнуло по его телу, но все же затронуло одну из паховых мышц, и Триджего потом всю жизнь прихрамывал.

И снова решетка закрыла окно. Дом казался необитаемым, только лунный луч на высокой стене и густая чернота Амир-Натхова оврага позади.